

Игорь Москвин

ЗНОЙ НАД САУР-МОГИЛОЙ

Игорь Москвин

Зной над Саур-Могилкой

«Издательские решения»

Москвин И.

Зной над Саур-Могилей / И. Москвин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904384-9

Героизм на войне — далеко не всегда готовность стрелять во врага на поражение или бросаться под танки ради спасения напарника. Иногда это просто умение оставаться человеком в самых нечеловеческих условиях, когда грани добра и зла становятся особенно тонкими.

ISBN 978-5-44-904384-9

© Москвин И.
© Издательские решения

Зной над Саур-Могилей

Игорь Москвин

*Войны начинают политики,
которые ненавидят свой народ,
а ведут простые солдаты.*

*Это не документальная повесть, а дань автора Героическим
Людям, которые три дня стояли против превосходящих сил противника,
не жалея*

*ни сил,
ни крови,
ни самой жизни.*

© Игорь Москвин, 2020

ISBN 978-5-4490-4384-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

26 июля, когда запад принимал в гости сияющий диск солнца, на позиции прибыл взвод Медведя: шестнадцать солдат, вооружённых автоматами и пистолетами. Определённой воинской формы не было, кто в старой, оставшейся с советских времён от отца или брата, а большая часть в камуфляжной, которую продают на рынках, но у каждого из них на правом плече серебряным цветом выделялся на шевроне Георгий-Победоносец, над которым золотыми буквами написано название батальона «Восток». С собою несли несколько ящиков патронов, чтобы пополнить запасы. Хотя стреляли в предыдущие смены мало, не могли сдержаться, чтобы не ответить противнику. Вместе с ними на курган прибыли три расчёта – один миномётчиков, второй пулемётный, третий – зенитно-ракетной батареи и несколько гранатомётчиков, всего со взводом Медведя – тридцать пять человек.

Первые сутки дежурства прошли сравнительно спокойно. На курган то и дело залетали снаряды и пули, били по обелиску, оставляя на поверхности новые следы. Хороший ориентир для пристрелки. Видно, не давал покоя украинским добровольцам из националистических батальонов памятник освободителям Донбасса, как бельмо на глазу, возвышался на вершине, воин с вскинутой кверху рукой с автоматом.

– Сто двадцатый!

– Не—а, сотка, – покачал головой Венька и добавил, смахивая с яблока песчинки. – У сто двадцатого звук надсадный такой, томный, словно ему лететь тяжело, а этот лёгкий, воздушный. Точно сотка.

– Ну, да, как ты их различаешь?

Венька, по паспорту Вениамин Менчинский, молодой человек двадцати лет, бывший студент Донецкой музыкальной академии, а ныне рядовой второй роты. Лицо у него было розоватое, только на щеках иногда вспыхивали алые пятна, вместо щетины золотистый пушок. И глаза по-детски весёлые, голубые, с длинными, как подкрашенные ресницы у молодой девушки. Когда—то с пышной шевелюрой, теперь постриженный почти под ноль, удивлённо посмотрел на Семёныча.

– А что их различать? По звуку и так ясно. Во, – он поднял палец, – слышишь, из танка шандарахнули.

– Ну, ты даёшь, танк ни с чем не спутаешь, – говорит собеседник и проводит по автомату шершавой ладонью.

– Вот точно так и миномёт, – говорит Венька, с хрустом откусывая кусок от яблока и продолжая с набитым ртом, – не спутаешь.

– Ну, да, – Семёныч, всегда к месту или нет, употреблял это прилипшее к губам «ну, да», – я всё забываю, что ты у нас композитор и слух должен иметь, как у собаки, – смотрел на младшего товарища озорным взглядом.

– Семёныч, сколько раз тебе повторять, – устало бросал Венька, – не композитор я, – и с тяжёлым вздохом добавил, – и никогда не стану.

– Ну, да, мы ещё вспоминать будем, как с таким человеком в одном окопе сидели.

– Будешь, – улыбнулся кривой улыбкой Менчинский, – если живы будем.

– Что такой пессимизм? – Вступил в разговор щуплый мужчина средних лет, к которому приклеилось прозвище Насреддин, скорее за солдатскую смекалку, проявленную месяц тому, когда он был одним из тридцати бойцов, которые захватили военную часть, где располагалась Национальная Гвардия в Донецке.

Тогда в апреле-мае создалась парадоксальная ситуация. Захваты правительственных зданий националистами на Западе страны рассматривались, как волеизъявление народа, уставшего жить под управлением президента, успевшего в молодые годы поносить робу зека. Видите ли, население само решило отстранить от власти коррумпированных чиновников. Ко всему прочему, первый закон, который собиралась принять Верховная Рада, очень походил на немецкий лозунг времён тридцатых годов, только там звучало «Германия для немцев», то здесь «Украина для украинцев» и полное игнорирование того факта, что почти больше половины страны разговаривает на клятвом москальском языке. На Восток смотрели иначе и воспринимали пришедшие к власти в феврале всю русскоязычную часть, как некий аппендикс, который можно подавить силой.

Ещё не пришедшие к власти оппозиционеры, несколько месяцев мутивших воду на главной площади столицы, поспешили объявить, если сбежавший президент неконституционным образом самоустранился от осуществления конституционных полномочий, и не выполняет свои обязанности, то Верховная Рада, вопреки основному закону Конституции устраняет его от должности. И всё произошло в первый день, когда было подписано соглашение между действующими властями и митингующими о досрочных президентских выборах. Получается, что произошёл банальный вооружённый переворот, когда вторая сторона, подписавшая соглашение об урегулировании политического кризиса и не уверенная, что будет избрана легитимно, решила взять власть сейчас, пока не утихли страсти.

Не все остаются равнодушными к тому, что в родной стране захватившие опустевшие государственные кресла, сразу же объявляют тебя лицом второго сорта, поэтому на Востоке митинги, как и на Западе, перешли к более решительным действиям. Вновь назначенные губернаторами люди не допускались в правительственные учреждения, а народ, как недавно в Киеве, начал сам назначать своих представителей, которым доверяет, в главы городов и областей. Так, как обстановка в столице оставалась напряжённой, назначенные протестующими, новые власти на местах в Донецкой и Луганских областях, объявили о проведении референдума по самоопределению Восточных областей.

Это был неожиданный шаг, в Киеве ожидали, что всё должно пройти тихо и гладко, ведь народ стадо, куда поведёт пастырь, туда они и пойдут. Но получилось не так, как ожидали. Назначенный Врио президента подписал указ об организации национальной Гвардии, должной стать опорой пришедших в результате вооружённого переворота заговорщиков, и вслед за этим объявил о крупномасштабной войсковой операции против русскоговорящего народа Донбасса. Власти были уверены, что задушат протесты в зародыше, но на деле оказалось иначе.

Жители Восточных областей взялись за оружие, защищая родную землю. Вот поэтому надо было освободить Донецк от войск, которые образованы для усмирения восставших.

Среди бойцов штурмовавших здание Национальной Гвардии в Донецке и был Насреддин. Захват обошёлся без жертв с обеих сторон. Разоружённых украинских солдат распустили по домам, взяв слово не воевать против народа Донбасса.

Венька помнил, как в октябре или ноябре к ним, в музыкальную академию, зачастил похаживать один импозантный господин с пышной шевелюрой, добродушным лицом, вкрадчивым голосом и манерами мировой знаменитости. Вначале расписывал, как хорошо будет «горомадьянам» жить в свободной стране, когда она присоединится к Европейскому Союзу. Всё будет по-другому, а уж страны заграничные так и ждут в свои объятия украинцев. Тогда можно разъезжать, где угодно, учиться в любом заведении, но почему-то умалчивал, что надо соответствующий иметь достаток, чтобы это всё иметь. Потом начал призывать, присоединится к протесту на Площади Независимости, что мол, свободное волеизъявление, которое, кстати, неплохо оплачивалось неизвестными спонсорами, которые, как агнецы небесные, ратуют за свободу «рідної країни» и готовы отдать не только нажитое добро, но и самую жизнь, но только протестующих. Главное, что речи вёл незнакомец такие убедительные, что Венька, чуть было, не купил билет в Киев, но потом пришло отврезание – пан оказался обычным засланным провокатором, «працюючим за гроші».

Венька откусил от яблока очередной кусок и бросил огрызок в сторону противника, протёр тыльной стороной ладони рот, устремив голубые глаза на Насреддина.

– Это не пессимизм, а так, обычное ворчание. Вон эти, – указал большим пальцем за спину, – могут внести поправки в оптимистическое настроение. Сколько уже на это потратили патронов...

– Ну, да, не только патронов, – дополнил Семёныч, пригладил рукой маленькую бородку, напоминавшую растительность вождя мирового пролетариата, только вот над впалыми глазами немолодого мужчины кустились густые с белыми жилками брови. Кругловатое лицо добродушного увальня и всегда смеющиеся глаза, даже в минуты раздражения, казалось, не теряют жизнерадостности и смешливого настроения. – Венька, какого калибра недавно шарахнул снаряд?

– Сотка, – ответил Венька. – Не так уж и большой.

– Ну, да, если по нам начнут бить, то мало не покажется.

К разговаривающим подошёл командир взвода Медведь. Он и в правду походил фигурой на лесного зверя. С виду неуклюжий, но сам подвижный, никогда не демонстрирующий своих резких движений. На круглом всегда выбритом лице улыбка, с правой стороны всегда приподняты уголки губ, словно с презрением относится к опасности. Видимо, осталось со времён Афганистана, где он участвовал в 43 боевых операциях, за которые был награждён Красным Знаменем и Красной Звездой.

– Что, ребятки, приуныли? – Спросил командир, сняв с головы камуфляжную военную кепку, и пригладил широкой ладонью волосы.

– Да, вот гадаем, – Венька затянулся сигаретой, – полезут сегодня ночью или спать будут?

– Это только Богу и укропскому начальнику ведомо, но вы не расслабляйтесь, какое-то движение там внизу есть, – командир указал рукой на небольшую посадку в стороне Снежное, но всё, как обычно. Постреляют, постреляют, но не полезут. Это ж надо быть полным идиотом, чтоб на высотку, склоны которой обстреливаются обороняющимися и притом голые, как голова Наума, – бойцы улыбнулись. Наум, бывший шахтёр лет тридцати пяти, постоянно брил голову, говоря, что волосы мешают думать. – Так что дежурство пройдёт, как всегда, но, – он погрозил пальцем, – без расслабления.

– Это понятно, – подал голос Насреддин, – а что этот, – он кивнул в сторону обелиска, – докладывает?

– Говорит, что в той вон посадке, – Медведь посмотрел в сторону Снежного, – зашевелились. Так что, Веня, напряги свой музыкальный слух.

– Я... – Менчинский засопел, в прошлое дежурство на кургане он так сладко заснул, что командир вначале обозлился на подчинённого, а потом сам сел и до конца отстоял за Веньку на посту, но потом, конечно, нерадивый боец обрёл по полной программе. Урок пошёл на пользу.

– Да ладно, – подмигнул командир, – кто старое помянет... – Потом тяжело вздохнул, – дежурство по графику и никаких вольностей мне. Они, – он опять указал подбородком в сторону противника, – только и ждут наших ошибок.

Саур-могила возвышалась над относительно ровной степью курганом в почти триста метров и была видна чуть ли не с расстояния в сорок метров. Поэтому оставалась хорошим наблюдательным пунктом. Немного большим семидесяти лет здесь проходили ожесточёнными бои между фашистскими войсками, занимавшими господствующую высоту, и советскими, которые сделали попытку сбросить противника в вершины. Тогда всё удалось, конечно, не без потерь.

Теперь находящиеся на кургане наблюдали, как в километрах пяти из Григоровки по направлению к Мариновке и дальше в Луганскую область шла украинская бронированная техника, словно намеривались воевать не с взявшими в руки оружие шахтёрами, рабочими, учителями, а с вооружёнными до зубов воинскими регулярными частями.

Обелиск из железобетона, поставленный полвека назад в память кровопролитных боёв, возносился над курганом ещё на тридцать шесть метров. Вершина стелы представляла собой площадку, обрезанную под углом сорок пять градусов. Вот на ней и лежал наблюдатель, который фиксировал проходящие колонны и вспышки выстрелов, давал сигнал вниз, чтобы бойцы успели спрятаться от летящего снаряда, ведь время подлёта было высчитано до секунды.

Вера, лежавший на площадке, наблюдал, как на блок-пост украинцев, находящийся между Тараном и Дмитровкой прибывают танки, как вертолёты на низкой высоте барражируют вдоль дороги.

– Ребята, – сквозь шипение раздался голос Вера, – здесь к нам в гости две безмпехи прут. Надо бы их встретить, а то, словно на прогулку собрались.

– Встрэтым, – поднялся до того времени молчавший Грузин, получивший прозвище по национальности, хотя имел интернациональное имя – Георгий. Он, на самом деле, был грузином, уехавшим из родной страны, когда к власти пришёл Мишико Саакашвили и начались гонения на неугодных. Невысокого роста коренастый с чёрной жёсткой шевелюрой волос на вид молодой парень, но на самом деле зимой отметил тридцать седьмой день рождения.

– Помощь нужна? – Кто-то спросил, но Венька не заметил кто.

– Я сам, – и добавил, – у мэня ест чэм их встрэтым, – Георгий удалился.

– Ну, да, пока наш славный Грузин занят делом, – Семёныч почесал нос, – укропский Аника-воин наставляет солдат: «Паны-солдаты, наша техника сделана по последнему слову науки и оснащена новейшим компьютером». «Господин офицер, а у компьютера какая скорость?» «Для особо бестолковых повторяю, компьютер движется со скоростью танка».

Окружающие засмеялись.

– Читайте, теперь наш Георгий отправит в утиль два укропских агрегата – безмпеху и компьютер... – сказал Венька.

– И парочку терминаторов.

– Ну, да, Веня, ты думаешь, у них компьютеры установлены?

– Не-а, – бывший студент покачал головой, – я думаю, до сих пор у них машины на педальном ходу, они же коммерсанты, всё пустили на продажу.

– Ну, да, даже страну, – с горечью добавил Семёныч.

БМП приблизились довольно близко, видимо, управляли ими только, что прибывшие призывники, не испытывавшие на себе, что такое летящая пуля или снаряд. Вот и захотели показать удаль, мол, возьмём высоту с налёта.

Грузин отошёл подальше, чтобы звук выстрела не так ударил по ушам, сидящим рядом бойцам.

Ниже ста метрами находился первый пост, в котором несли дежурство трое – Камчатка, Савва и Дед, все из пулемётного расчёта. За прошедший месяц, когда каждые несколько дней менялись и проходила своеобразная ротация. Заступившая смена три дня охраняла подступы к кургану, потом следующая. Никто из нынешней не считал, в который раз сидят в окопах или брошенном кафе у мемориала.

Никогда украинцы не бросали в атаку технику, а если бросали, то как-то лениво, словно засевавшие на вершине добровольцы их не беспокоили. Вроде бы наблюдают, но особого вреда не наносят. Дальнебойных пушек нет, а пукалки, которые они имеют. Могут напугать только местных ворон. Так считали командиры ВСУ.

Грузин не спешил, время ещё было. С почти трёхсотметровой высоты казалось, что по пересечённой местности перед курганом ползут два жука, один впереди. Второй в нескольких десятках метров позади.

«Прикрывает, что ли», – на родном языке промелькнуло в голове.

Грузин никогда не служил в войсках, учёбу проходил в образованном батальоне в боевых условиях. Лишних патронов и гранат не имелось, поэтому и навыки обретали сразу. Командиры взводов, а каждый из них в бытность свою был офицером ещё Советской Армии, присматривались к добровольцам и уже сами отмечали, кто на что более способен. Медведь сразу подметил, что Грузин хорошо управляется с гранатомётом.

Георгий прицелился, прикинул скорость бронемашин, расстояние, сколько БМП проедет за время полёта гранаты. Прикрыл глаза и отвернулся в сторону, за пару секунд отрешился от происходящего. Потом сжал одной рукой рукоять, вторая служила опорой. Посмотрел вниз на склон, прицелился, затаил дыхание и нажал на спуск. Граната рванула вперёд, Грузин смотрел ей в след. Теперь оставалось только ждать.

Граната ударила в борт БМП, она остановилась. Словно уткнулась передней частью в бетонную стену, вначале раздался один взрыв, потом второй, помощней. Видимо, сдетонировал боекомплект, башня подлетела метра на два в воздухе тяжело рухнула, ствол пушки вошёл в землю. Голубоватая дымка начала распространяться от пылающего остова машины. Вторая остановилась, потом задним ходом начала на большой скорости отъезжать, виляя из стороны в сторону, боясь попасть под гранату. Потом резко развернулась, как на Формуле 1, и начала удаляться.

Вертолёт взял курс на курган, но тут же развернулся и пошёл прежним курсом, вдоль дороги к Мариновке.

Грузин улыбнулся правым уголком губ.

– Не надо быть наглым, – прошептал Георгий на родном языке и выругался на русском, добавив, – ми здесь нэ в бирулки играем.

На нижнем посту Курил так и остался держать подбитое БМП на мушке, с улыбкой матернулся и сказал:

– Опередили, кто ж там такой шустрый?

– Как кто? Будто не знаешь? – Вопросом на вопрос ответил Савва.

– Грузин? – Снова то ли вопрос, то ли утверждение.

– Кто ж ещё? Сегодня он на посту.

– Добавить более ничего не могу, – Камчатка отвернулся от покрывающегося сумраком поля, – полезут? – Спросил в пустоту.

– Наверяд ли, сегодня будут за покой души экипажа пить, не до нас будет.

- А вдруг?
- Отобьёмся.

Грузин с минуту полежал на месте, обозревая в бинокль окрестность, не было ли действия БМП отвлекающим манёвром, а украинские солдаты по балкам и оврагам ползут на Саур-Могилу.

Но никакого шевеления.

Всё спокойно, будто там командиры не заметили, как поётся в песне «потери бойца».

– Не расслабляться, – слышался голос Медведя, – за внешним спокойствием всегда таится опасность.

– Так тишина, – подал голос Венька.

– Вот именно, что тишина, – сжал губы командир, потом продолжил, – беэмпеху потеряли, а ни одного выстрела в нашу сторону, словно не экипаж положили в поле, а букашку. Странно это, не похоже на них, то пуляют от нечего делать, то молчат, когда вроде бы наказать сепаратистов надо. – Усмехнулся Медведь и потёр ладонью щеку.

– Что странного? В шоке они пребывают, – вставил всё тот же Венька.

– Твоими бы устами...

– А что, командир, сам же говорил о перехвате их разговоров, – напомнил молчавший Насреддин.

В первые дни, когда ополченцы заняли Саур-Могилу, помещение кафе использовали одновременно, как штаб, казарму и место хранения боеприпасов. Тогда же рыли окопы, но за целый день углубились только на полметра. Земля твёрдая, каменная, неподатливая. Захватили карты украинских солдат, а там курган был показан, как занятый их частью. Вот первое время ни одна пуля и ни один снаряд не коснулись вершины, зато вслед за этим противник начал обрабатывать вершину не только минами, артиллерийским огнём, но и ракетами системы «Град». Перехватили радиogramму, над которой долго смеялись: «Мы их бьём, бьём, они каждые три дня по два Камаза трупиков вывозят, там их тьма – тысяч пять, наверное». Как говорится, у страха глаза велики. Тридцать человек, сменяющихся каждые три дня, приковали к вершине столько украинских сил, что, хотелось думать, на других участках своим становится легче. Украинцы за увоз трупов принимали машины, которые привозили новую смену, забирая отдежурившую.

Подошёл Георгий.

– Молодец, Грузин, – похвалил Медведь, – с одного выстрела на таком расстоянии, не ожидал.

– Я сам нэ ождал, командыр, – засмутился Георгий.

– Не кокетничай, – улыбнулся командир, – вот каждый бы так по одной машине и остались бы укропы без техники, вот тогда бы посмотрели, на что они способны.

– Командир, – подошёл боец по прозвищу Кунашир, лет сорока, с угрюмым лицом, на котором редко появлялась улыбка. Война накладывает свой неповторимый отпечаток на облик, человек становится, как будто старше и серьёзнее. Шутки воспринимаются иначе, чем в гражданской жизни, хотя Кунашир любил анекдотами развлекать сослуживцев, но сам редко поддавался безудержному веселью.

– Что там?

– Наши передают, что в стороне Таранов, – Шикотан указал рукой на юго-восток, – и в Благодатном с Петровским, – рука переместилась в направлении юго-запада, – идёт скопление укропской техники. Видимо к чему-то готовятся, подходят не только танки, но и «Грады».

– Да не слушайте, братцы, вы этих паникёров, у украинцев тысячу раз была возможность повернуть против нас войска, а они вон по дороге на восток идут и идут. Мы ж, как на ладони перед сушками и вертолётками, сравняли бы давно с землёй.

– А может...

– Ерунда, – отмахнулся Медведь, но потом улыбнулся и погрозил пальцем, – вы только, братцы, бдительности не теряйте. Кто первым заступает на пост?

– Венька и Семёныч.

– У Семёныча глаз острый, а у Веньки слух, так что можно быть спокойными. А сейчас отдыхать. Утро вечера мудренее.

– Точно, командир, а вот у меня была учительница, так та говорила, даст Бог день, даст и пищу, – подмигнул Насреддин.

– Ты зубы не заговаривай. Марш отдыхать.

Ночь проходила без происшествий, в населённых пунктах мирно светились окна, словно нет никакой войны, а вышли солдаты с командирами на полевые учения. Сейчас вернулись в дома, чтобы с утра снова заняться ратным делом.

В чёрной темноте ночи скрадывались звуки и, если кто-то шумел, то слышалось так, словно источник находится рядом. Венька облокотился о каменистую землю края окопа и не вглядывался в степь, а только слушал. В середине дежурства звуки стали отчетливее, слышался какой-то лязг железа, рокот моторов, но так далеко, что не верилось – под тёмным небом, светящимся мириадами маленьких точек, никакого зла произойти не может. Вначале монотонность ублаживала, но Венька старался не терять бдительности. Рядом в окопе сидел Семёныч.

– Ничего не слышишь? – Обратился бывший студент.

– Ну, да, а что? – Шёпотом спросил, бросая себе под ноги окурок, старший товарищ.

– Ты послушай.

Семёныч прислушался, поднялся со дна окопа и так же, как Венька, облокотился на бруствер.

– Ну, да, толком не разберу. Моторы, что ли, работают?

– Именно, – молодой человек подпёр рукой щеку, – по звуку вроде танковые, с надрывом воют.

– Ну, да, теперь и я слышу, – вглядывался в темноту Семёныч, – собираются в кучу.

– Командиру надо доложить.

– Ну, да, утром, а нынче пусть поспит. Весь день на ногах.

– Если на нас попрут?

– Ну, да, – усмехнулся Семёныч, – укропы у немцев учились, – намекал на поведение фашистских войск в начале Отечественной войны, когда солдаты Вермахта воевали строго по расписанию: утром артподготовка, после неё атака, обеденный перерыв, потом снова продвижение вперёд, а уж ночью положенный восьмичасовой сон. Украинские националисты, воевавшие, хотя больше подходит слово – усмирявшие – собственное население, переняли манеру воевать у прежних сюзеренов, – поэтому сейчас отдыхают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.